

Ксения Удалова поехала на дачу к Малютке Скуратовой, школьной подруге. Москвичу или человеку из иного мегаполиса может показаться смешным, что гусярцы, жители такого небольшого городка, заводят дачи.

А ведь еще лет сорок назад на баржеремонтном предприятии и в горсовете стали выделять садовые участки. В то время дачи были ничтожными, мелкими, а садовые участки давали никакие урожаи.

В наши дни все изменилось.

Садовые участки — шесть соток — украсили могучие яблони и сливы, а домики большей частью покосились. Зато ближе в Великому Гусляру новые гусярцы построили себе ряд коттеджей. Для неосведомленных: коттедж — это трехэтажная крепость из красного кирпича с бойницами на первых двух, с солариями на третьем, гаражом и сауной в подвалах и подземным ходом в лес.

У Малютки, женщины крупной, за что ее еще во втором классе прозвали так уменьшительно, дача была первого поколения — то есть финский домик из отходов производства. Зато поспели в большом количестве яблоки, мелкие и кислые, на базар не отвезешь — никто не купит, но друзьям и родственникам можно подарить.

Сначала ее дочка с зятем собирали-собирали — не собрали, потом жена первого мужа с детьми собирала — не собрала, вот и наступила очередь Ксении Удаловой. Потому что если не собрать, то пойдут яблоки под снег.

Ксения чувствовала себя обязанной Малютке, привезла с собой колбасы, кекса, пива в бутылках — по стоимости куда больше, чем все яблоки скуратовского сада.

Сам сбор фруктов разочаровал: яблоки были червивыми, побитыми (те, которые упали) и поклеванными птицами (которые остались).

Но потом подружки славно посидели, употребили пиво, поболтали о болезнях и внуках, провели время до самой темноты, и тут Ксения спохватилась: последний автобус до Великого Гусляра отходит в двадцать пятьдесят! Не успеешь на него — другого пути в город уже нет. Корнелий сойдет с ума, если жена пропадет на всю ночь, и не столько от ревности, сколько от страха, что ее растерзали какие-нибудь звери. Хотя со зверями вокруг Гусляра туго. Истребили.

Тут еще дождик зарядил — все-таки конец августа, начинаются осенние непогоды.

Малютка делала вид, что готова проводить Ксению до остановки, а Ксения, хоть и хотела бы идти до автобуса не одна, отказалась от проводов, потому что понимала: ей-то потом ехать в автобусе, в тепле и на свету, в коллективе пассажиров, а вот Малютке топать в десятом часу в опасном одиночестве по пустому поселку.

Поцеловались, Малютка проводила подругу до калитки, Ксения уравнивала сумки — обе были килограммов по восемь. Но русской женщине таскать сумки привычно, даже по глинистой дорожке, даже под дождем, даже два километра. Ведь яблоки, хоть и дрянь, но бесплатные, можно и на варенье пустить, и на сок, и на компот.

Ксения шла под дождем и жалела, что не взяла с собой зонтик. Но в какой руке зонтик нести? В третьей?.. Она все надеялась на попутку, однако до самой шоссе попутки не появилось — разъехались уже дачники.

Идти было утомительно, и Ксения несколько раз останавливалась, чтобы перевести дух, тем более руки оттянула.

Половину пути она прошла. Повернула за угол — теперь оставалась одна улица, но длинная, и почти все фонари побиты. И зачем люди бьют фонари?

Сзади слышались шаги.

Это были шаги как во сне, в кошмаре. Будто чувствуешь, что кто-то тебя догоняет, чтобы задушить, и хочется верить, что это лишь твое воображение... а шаги все ближе!

Ксения пошла быстрее. Под ногами скользило, хлюпало, когда сапог падал в лужу.

Надо бы обернуться и увидеть, что следом семенит всего лишь беззаботная старушка, но повернуть голову — выше твоих сил.

Ксения ускорила шаги, а шаги сзади, как привязанные, тоже застучали чаще. Только бы не сбиться на бег, подумала, но дыхание уже рвалось из груди так, что стало ясно: стоит побежать, и сердце разорвется.

Шаги приближались. Неотвратно.

Ксения потеряла равновесие, схватилась за острую верхушку штакетника, и калитка на заросший участок, над которой тяжело нависали грозди спелой рябины, растворилась, приглашая Ксению спрятаться там, как яблоня из сказки.

Ксения без ГОЛОВЫ

Кир Булычев

Художник Е. Станикова

ФАНТАСТИКА

Ксения послушалась.

Усыпанная листьями тропинка, что вела к даче, отражала свет одинокого фонаря, светившего над верандой.

Сейчас подожду здесь, сказала себе Ксения, он пройдет мимо, и я пойду себе спокойно...

Ах, как устроен человек! В нем существует не одна, нет, не одна, а по крайней мере три-четыре успокоительные системы. Надо только отыскать зацепку для успокоения. А для этого человеку дано воображение. Оно выстроит схему или нарисует картину, куда более убедительную, чем сама жизнь...

И когда, уже дойдя до чужой веранды, Ксения услышала, как скрипнула калитка (это входящий человек толкнул ее, полуоткрытую, плечом), у нее подкосились ноги. От полной неожиданности.

Не могло этого быть! Ведь самый худший вариант мы не рассматриваем — у нас есть целый ряд утешительных картин!

Он обозначился темным силуэтом. И в этом силуэте, в движениях, в постановке плеч, наклоне кепки, прижавшей голову, в хромоте, как у бродячей собаки, была такая слепая, безжалостная угроза, что Ксении захотелось одного: сжаться в комочек, уползти в кусты орешника за углом домика и проснуться только утром, под солнцем, проснуться от детских голосов и птичьего щебета.

Ксения кинулась в кусты. А преследователь не стал ломиться за ней следом. словно бывал здесь не раз, он взял правее и пошел узкой тропинкой так, чтобы перехватить Ксению.

К счастью — а то бы умерла от страха, — Ксения не знала, что в руке у преследователя тяжелая палка.

Чуть не столкнувшись с ним, Ксения увидела слева приоткрытое окно — кажется, жильцы еще не покинули свой дом и в этот вечер, возможно, пошли в гости к соседям.

Пожилая, грузная, малоподвижная, Ксения ни за что бы не смогла влезть в окно, открытое на уровне груди. Но это в обыденной жизни. А тут — нога на кирпичную завалинку, животом о подоконник и головой вниз. Так — через окно — и ввалилась в комнату, ударившись о ножку кровати.

Тут было темно, но сразу стало еще темнее: силуэт преследователя закрыл просвет окна.

На четвереньках (чтобы подняться, уже нет ни сил, ни времени), Ксения двинулась к двери в соседнюю комнату. Глаза уже совсем привыкли к темноте, и она все видела как кошка.

Бух! Это преследователь влез в окно и направился следом за Ксенией. Он явно не спешил: знал, видно, что из следующей комнаты выхода нет. Тут Ксения вскочила на ноги и кинулась к окну, но оно оказалось заперто.

Вот он стоит в двери и лениво поводит головой, высматривая Ксению. И еще бормочет себе под нос:

— Ну где этот долбаный выключатель — что я, шарить должен?

И тут Ксения поняла: жизнь ее кончилась. По его голосу поняла: кончилась.

Вспыхнул свет (лампочка под бумажным абажуром) — такой яркий, что Ксения зажмурилась. А потом встретилась взглядом с тяжелыми тупыми глазами убийцы.

Он глядел на Ксению, но, казалось, ее не видел. Или действительно не видел. Посмотрел в угол комнаты, затем, пройдясь пару метров, за шкаф... И Ксения инстинктивно поняла: случилось чудо! И чтобы оно продержалось еще немного времени, не лопнув как воздушный шарик, ей надо быть неподвижной и неслышной.

— Где ты, зараза?.. Куда... — он шагнул к окну и стал дергать шпингалет, — куда проскочила?

Он дошел до двери, потом одним прыжком развернулся. Ксения уже успела разглядеть его: плотная, приземистая скотина, бритая голова, низкий лоб. И глаза — будто пробуровленные, чтобы стрелять из них, как из пистолетов.

Точно разочарованный лев, упустивший антилопу, он стал шуровать по комнатам, открывал ящики комода, отодвигал кровати. Но жертвы нигде не было.

Ксения стояла почти не дыша. Она ждала. Потому что затеплилась необъяснимая надежда: он скоро уйдет. Он ее не видит.

Словно она и вправду стала невидимая.

2

Проклина Ксению, будто она его жестоко обидела, и поколотив на кухне посуду, бандит наконец ушел. Всё, тишина!

Вскоре Ксения потушила свет, села на продавленный диван и стала дрожать — из нее все тепло вышло. Потом, даже не думая, что делает, взяла плед, лежавший рядом, развернула его, накрылась им, подобрала ноги в сапогах, задремала. И сколько длилось забытие, она не знала.

Потом ее как ударило! За дверью послышался шум.

Ксения присела и так оставалась, будто завороченная.

— У нас гости были, — пропел детский голос.

— Кто не запер, когда уходили? — возмутился мужской голос.

— Ты же и не запер! — ответил женский голос.

В передней комнате зажегся свет. Потом ребенок зажег свет в комнате, где на диване, как истукан, сидела Ксения.

— Смотри, мама! — крикнул ребенок. — Яблоки!

Ксения проследила за его взглядом и увидела, что одна из ее сумок с яблоками лежит посреди комнаты. Часть яблок высыпалась на пол.

— Не только гости, но и подарки, — засмеялся отец.

— Яблоки плохие, — сказала мать, — у нас лучше.

Они говорили, спорили. Она стояла в двух метрах от Ксении и нарочно ее не замечала. Словно хитрили.

Тут уж ей стало совсем неловко. Она поднялась с дивана. Диван закрипел. Хозяева, как по команде, повернулись к нему.

— Что это? — насторожилась мать.

Ей не ответили.

Теперь Ксения выпрямилась. Сразу скрипнули половицы.

— Кто здесь? — спросил отец.

Ксения устала трепетать. Как только она заметила просвет между членами семейства, то тут же кинулась вперед.

Конечно, они почувствовали движение воздуха и в удивлении обернулись. Но почему-то Ксению не увидели.

Она выбежала наружу, под дождь, в темноту. Никто ее не преследовал.

Зря, подумала, не взяла сумку! Не столько яблок жалко, как сумки, почти новой... И, переваливаясь как утка, побежала. А шагов через двадцать натолкнулась на свою вторую сумку с яблоками, совсем плохонькую.

При страшном невезении, бывает, и везет.

Ксения подняла сумку и торопливо засеменила к автобусной остановке. Сеял дождь, и она промокла как цуцик.

Последний автобус, если верить расписанию, уже ушел. Но — опять везение: как раз тут он и появился, сверкая теплыми огнями, уютный и большой. Номер 45, «Пьяный Бор — Великий Гусляр».

Автобус притормозил, но тут же снова стал набирать скорость. Ксения кинулась за ним и на бегу замолотила в дверь. Видно, водитель Ксению не заметил, однако на стук среагировал.

Она поднялась по ступенькам, втащила за собой сумку.

— Спасибо! — крикнула водителю.

В автобусе — только парочка целующихся подростков. Сначала они на Ксению и не посмотрели, но потом парень сказал:

— Ну и дела! Тетка без головы.

Ксения уселась, а парочка вновь принялась целоваться...

Такое стечение обстоятельств — дождь, темнота, почти пустой автобус — и привело к тому, что Ксения до самого дома не догадывалась, что стала невидимой. Представляете: раза три за дорогу она посмотрела на часы, часы были на невидимой руке, но Ксения их видела, а отсутствия руки не замечала. Так и доехала до Гусляра.

3

Невидимая Ксения спокойно дошла по ночному Гусляру до своего дома, и если ей встретились два-три обывателя, то они не удивились ее внешнему виду — начисто отсутствовала лишь голова. Но когда она подходила к своему подъезду, к нему же подходил сварливый старик Ложкин, который гулял с собачкой Пушком, беспородным истериком.

Именно эта собачонка и подняла страшный шум, когда увидела, что Ксения явилась домой без головы.

Ложкин не стал собаку одергивать, так как считал ее умной и сторожевой, а сторожить, по его понятию, означало «подавать сигналы по инстанциям».

Сам же он видел плохо, поскольку страдал редкой в наши дни болезнью — куриной слепотой.

Он решил было, что это, верно, не Ксения, а кто-то воровской специальности. Лезет, замаскировавшись.

— Ты куда! — начал кричать. — Ты чего по нашим сараям лазишь?

На шум открылось окно на втором этаже. У этого окна уже давно сидел Корнелий Иванович Удалов, супруг Ксении, который сильно переживал, куда делась благоверная.

— Чего там? — подал голос сверху. — Это ты, Ксюша?

Ответить Ксения не смогла, потому что Ложкин стал оттеснять ее от дома, защищая собственность. Собачка продолжала истерично лаять. Удалов пытался понять, что там, внизу, происходит. И тут из подъезда выскочил профессор Лев Христофорович Минц — в атласном халате, подарке магараджи Вайсуробада, которого Минц избавил от тараканов. Профессор уже давно временно поселился в Великий Гусляр, чтобы в тишине и покое ставить опыты и совершать гениальные открытия. Хотя надо сказать, что ни покоя, ни тишины он тут не нашел.

Итак, выскочив из подъезда на крики и лай, Лев Христофорович увидел Ксению Удалову без головы и кистей рук, Ложкина с собачонкой и Удалова, пытающегося прыгнуть со второго этажа.

— Спокойно! — сразу оценил ситуацию профессор, которому приходилось наблюдать людей в самых различных обличьях. — Ксения, советую вам немедленно идти домой и лечь спать.

— Я только сначала душ приму, — ответила Ксения, — а то простужусь. Окоченела вся.

Даже испытанному жизнью Льву Христофоровичу было нелегко слышать голос, который возникал из некой глубины — то есть там, где кончалось тело Ксении Удаловой.

— А ты, Корнелий, — приказал профессор ее мужу, — немедленно, не глядя на Ксению, спускайся ко мне, поговорить надо.

— Ну я пошла? — спросила Ксения.

— Завтра в восемь утра быть у меня! — велел Минц.

А Ложкин тем временем крикнул:

— Так дело не пойдет! Я сейчас милицию вызову.

— Не вызовешь, — спокойно возразил Минц. — Тебе спать пора: врачи прописали.

И тогда во дворе воцарился покой.

Но вскоре, уже дома, вскрикнул Корнелий Иванович: на плохо освещенной лестнице он увидел свою жену без головы. Однако усталая Ксения на то не прореагировала — мало ли из-за чего кричит ее муж! Он уж скоро пятьдесят лет кричит. И прошла в квартиру.

— Что с ней случилось? — спросил Удалов Минца. — Ей оторвало голову? Это не опасно?

— Голова на месте. Но невидимая! — прошептал профессор. — Теперь так: остороженько, чтобы не травмировать жену, загляни в ванную, проверь вся ли Ксения невидимая или только частями. Понял?

— Как не понять!

— Кажется, она в каком-то шоке и потому сама не понимает, в чем ее беда... Если к утру не придет в себя, будем искать пути к излечению.

— Думаешь, опасно?

— Я тебе не отвечу, друг, пока не догадаюсь, чем же вызвано это заболевание. Иди домой, загляни в ванную, а потом тихонько ложись спать и делай вид, что ничего не произошло.

И в этот момент страшный, пронзительный, подобный воплю смертельно раненой серны, крик потряс ночной Великий Гусляр. Замолк оркестр на эстраде городского парка, перестали целоваться влюбленные, взлетели стаи заснувших было ворон, заверещали, будто в

икоте, сторожевые сигналки иномарок. Это Ксения Удалова, войдя к себе домой, мимоходом посмотрела в зеркало и ужаснулась: головы на привычном месте не было!

Нет, не удалось дотянуть до утра.

Удалов подхватил рыдающую жену и увлек ее в квартиру Минца, в его кабинет.

4

— Значит, он шел за тобой? — повторил Минц за соседкой.

— Шел и молчал.

— И если ты быстрее, то и он быстрее?

— А еще дождь ледяной, буквально ледяной.

— И что ты испытывала?

— Как что? Ужас испытывала.

— Как во сне? Как кошмар?

— Во сне — это еще детские штучки. Хуже! Я думала, что умираю.

Что уже умерла, безвозвратно.

— А когда увидела...

— Он был такой... как я и боялась! Именно такой. Человек-смерть.

— И ты поняла...

— В тот момент мне некуда было бежать: ни щелочки, ни окошечка, ни дырочки — ничего. Дверь одна, а он на меня от двери идет. Свет зажег и идет.

Удалов всхлипнул — он переживал за жену. Но Минц вел себя совсем иначе:

— Великолепно! Исключительно! О таком можно только мечтать! Я всегда утверждал и пытался вколотить эту свою мысль в головы оксфордских так называемых мудрецов, что организм при достижении определенного уровня страха уходит в мир эскапизма.

— Чего-чего? — не поняла Ксения. Она была напугана, подавлена и очень хотела спать.

Минц продолжал:

— Психологически затравленный индивидуум убегают от действительности. Чтобы спастись. Он может перелететь в другую точку времени или пространства, он может, оказывается, стать невидимым. Это же открытие века! Мы с тобой, Ксения, наверное, прославимся.

— А можно мне вернуться обратно в свой прежний вид? — робко спросила Ксения.

— Зачем это тебе?

— Завтра у внука в детском садике День примирения и согласия.

— Обойдутся, — сказал Минц. — Несовместимые по важности события. И прошу тебя, Ксения, не выступать!

— Слушай, Лев, — подал голос Удалов, — а когда это пройдет?

— Пройдет, пройдет, не беспокойся. Но в наших интересах сделать так, чтобы прошло не очень скоро.

— Ой, почему? — испугалась Ксения.

— Потому, что мы должны тебя замерить, все вычислить и, главное, понять, что же такое невидимость.

— И что это такое?

— Вот это нам и нужно выяснить. А если повезет и природа подарит нам день-другой, то надо будет выделить в тебе чистое вещество. Скажем, НЕВИДИМЫЙ.

— Во мне нечистых вещей не бывает! — горячо откликнулась Ксения. И потом поинтересовалась: — А можно без анализов обойтись? Уж очень я утомилась.

— Можно, но не нужно, — ответил профессор. — Мы несем ответственность перед наукой. Сейчас сделаем анализ крови, и пойдешь баиньки.

Ксения вздохнула и позволила Льву Христофоровичу взять кровь из вены и из трех пальцев по очереди. Потом она побрела спать, а Минц, конечно же, остался у центрифуги и электронного микроскопа. И не сомкнул глаз до самого утра.

5

Супруги поднялись к себе в квартиру, Ксения стала раздеваться перед сном, и тут Корнелий возблагодарил судьбу за то, что остальные члены семьи уже спят. Зрелище было не для слабонервных.

Рубашка гуляла при свете ночника до тех пор, пока Ксения, со свойственным женщинам легкомыслием, не уселась на табуреточку у туалета, чтобы перед сном помазать себя увлажняющим кремом. Уселась, глянула в зеркало, и тут пальцы ее ослабли. Она переползла к постели и на ходу тихо завывала:

— Гаси свет, гаси свет, негодяй! Прекрати издеваться над женщиной.

В темноте стало полегче. А когда зашла луна, то стало совсем хо-рошо. И спали они подобно небесным созданиям, пока их не разбудили утренние птицы. Тут все началось снова.

За ночь Ксения забыла о своем недостатке. Спокойно отправилась в ванную, из которой в этот момент выходил ее внук, Максимка-младший.

Внук увидел бабушкин халат в розочках, который плыл по воздуху сам по себе и напевал песню из бабушкиного детства:

Нас утро встречает прохладой,

нас блеском встречает река.

Кудрявая, что ж ты не рада

веселому пенью гудка?

— Мама! — крикнул внук и зарыдал. — Бабуся голову потеряла! И ноги тоже!

— Голову твоя бабуся давно потеряла, — откликнулась из своей комнаты невестка. — Забыла, что обещала с утра в домовую кухню за кефирчиком сбегать!

Но мальчик продолжал рыдать, поэтому невестке пришлось выйти в коридор, где она и лишилась чувств. В общем, когда Ксения явилась к профессору Минцу лечиться от невидимости, в ее доме царил полная разруха.

Вся закутанная и очкастая, она являла собой зрелище устрашающее.

— Профессор! — заголосила прямо с порога. — Признавайся, я теперь обречена?

— Против каждого яда есть противоядие, — сказал Минц.

Тихонько вошел Удалов и присел на стул в углу.

— Я убежден, — продолжал Минц, подготавливая документацию, — что мы победим эту болезнь.

— Все-таки болезнь? — спросил Удалов.

— Любое ненормальное состояние организма мы зовем болезнью, хотя на самом деле тут вовсе не болезнь. Это защитная реакция. Я убежден, что в отдаленном прошлом, в конце кайнозоя, когда наши еще примитивные предки были беззащитны перед страшными хищниками, эволюция сделала человеку подарок: в момент смертельной опасности он становился невидимым!

— Так чего же он потом снова видимым стал? — спросил Корнелий. — Гулял бы себе!

— Невидимость имеет недостатки, — возразил Лев Христофорович.

— Имеет, — согласилась Ксения. Невидимость ей уже надоела, тем более что пока оставалось неясным, как ее использовать в хозяйстве.

Минц продолжал:

— Мне удалось выделить несколько молекул активного компонента. Сейчас мы поместим его в питательный раствор, и надеюсь, что через несколько дней получим достаточно вещества, чтобы начать работу над антидотом, то есть лекарством от невидимости.

— Ты с ума сошел, Лев Христофорович! — воскликнул Удалов. — На что ты обрекаешь нашу семью?

— Можно подумать, что это я запугал твою жену чуть не до смерти! — обиделся Лев Христофорович. — Если ты мне не доверяешь, то можешь отправить Ксюшу в Москву или даже в Токио.

— А помогут?

— Кто знает! Наука с этим еще не сталкивалась... Но, скорее всего, вокруг этого дела, то есть Ксении, столкнутся интересы крупных финансовых и политических группировок. Ее разберут на атомы и забудут собрать обратно.

— Шантаж! — подвел итог дискуссии Удалов. — Пошли, Ксения, домой. Нет в мире правды!

Минц пожал плечами и крикнул им вслед:

— Вернетесь ко мне — куда вам еще деваться, бедные вы мои!

Но Удаловы его уже не слушали...

Когда в дом приходит горе, то семья, как мелкая человеческая ячейка, зачастую закукливается, отгораживается от внешнего мира и старается пережить беду в изоляции. Так и Удаловы. Даже Минц, считавший себя другом Удалова, не мог понять, что семья ищет спасения в самой себе. Поэтому, проводив взглядом несчастных соседей, он принялся рассуждать далее.

Возможно ли, чтобы всемогущая природа ограничилась только изобретением невидимости для своих беззащитных фаворитов? Или приро-

да придумала что-то еще? Например: жертва, спасаясь от хищника, мгновенно перемещается в пространстве. Скажем, так: пещерный лев или саблезубый тигр кидается на человека, который прижался к стене пещеры, но вдруг жертва исчезает и когти смыкаются в пустоте! А жертва в этот момент уже вкушает дикую редиску в двух километрах от пещеры.

Забавно? Но почему бы природе не пойти и на такой эксперимент?

Теперь стоит задуматься над тем, почему впоследствии человек утерять такие чудесные способности. Пропали ли они совсем или...

Поток плодотворных размышлений профессора был прерван стуком в дверь. Минц давно собирался починить звонок, но руки никак не доходили, потому и крикнул привычно:

— Заходите, всегда открыто!

Корреспондент «Гусярского знамени» Михаил Стендаль, очкастый, сутулый, теперь уже поседевший, но, как всегда, рассеянный, начал с упрека:

— Лев Христофорович! Весь город шумит, а вы — молчок.

— Михаил, я тебя не понимаю! — удивился профессор.

— Страдания Ксении Удаловой — ваша работа?

— Это работа матушки-природы.

— Без шуток, Лев Христофорович! Правда ли, что Ксения Удалова стала невидимой вся или... или только частями тела?

— Спрашивай у нее.

— Она не отвечает.

— М-да, вопрос деликатный, — заметил Минц. А потом понял, что в любом случае феномен Удаловой уже не утаить. И тогда пусть выгоду извлечет Миша Стендаль, а не какие-то приезжие писаки. Эти тут же налетят!

И он доступно разъяснил сотруднику «Гусярского знамени» теорию эволюции человека, с поправками на то, что удалось понять прошедшей ночью:

— Именно способность становиться невидимым позволила неандертальцу или кроманьонцу выжить в тех тяжелых условиях!

Но Мишу Стендаля так легко не проведешь.

— Лев Христофорович, а что же Ксения все ходит и ходит невидимой? — спросил он. — Если так будет продолжаться, то это приведет к трагедии. У нее же нервная система не выдержит. Вот у древних, кажется, было проще: исчез — появился, исчез — появился, и без проблем. А Ксения?

— Может быть... Может быть, тело нашей Ксении не приспособлено к таким превращениям?

Стендаль ушел, торопясь передать в редакцию сенсационный материал, а Минц глубоко задумался.

6

Минц сидел дома и думал, а Ксения, закутанная и в черных очках, сходила в магазин.

Но по городу уже поползли слухи о случившемся с ней несчастье. Люди подходили, пытались заглянуть под очки, тыкали пальцами в ее одежду. И в конце концов внимание народа Ксении надоело. Когда в очереди за детским кефиром какая-то незнакомая старуха принялась уговаривать: «Покажи личико!» — Ксения одним движением сорвала с себя черные очки, платок, развязала шарф и обернула к старухе черный провал вместо головы.

— Убивают! — завопила старуха и кинулась прочь.

В мигом собравшейся толпе сначала посмеялись, а потом стали смотреть на Ксению-без-головы с подозрением: не заразная ли она, а может, это влияние радиации?

— Ну что, нагляделись? — спросила у народа Ксения.

Корнелий Удалов, отправившийся следом за женой в магазин, подошел к Ксении, но не для того чтобы вмешаться, а лишь подстраховывать ее. Ибо взволнованная Ксения опасна в первую очередь самой себе.

А старуха, которая убежала с криками, Удалову не понравилась. Он полагал, что всех старух в городе знает в лицо. Поэтому и пошел за ней сразу.

Тем временем к Ксении протиснулась Ванда Казимировна Савич и сказала: — А я тебя буквально не узнала. Только потом узнала — по пальто. Я всегда считала, что сидит оно на тебе, как на корове седло. Но теперь лица нет — и проблемы с одеждой у тебя тоже нет.

— Давай не будем суетиться, Ванда, — ответила Ксения. — Завидуешь мне, так бы и сказала.

— Это почему я должна завидовать несчастному уроду? — удивилась Ванда Казимировна.

Ксения усмехнулась, обозначив на невидимом лице невидимую улыбку:

— Уроду не уроду, но теперь я в любую заграничную группу могу внедриться. В любой поезд или автобус, даже на любой самолет. Ты денежки выкладываешь, в очереди за визой мучаешься, на пограничном контроле унижаешься, а я, как тень невидимая, проскользну на любые Гавайские острова, поняла?

— Тебя определяют! — возмутилась Ванда Казимировна, но как-то смущенно, потому что Ксения задела чувствительную струну в ее сердце.

С тех пор как рухнула Советская империя и наступила демократия, супруги Савичи открыли для себя иностранный мир. Они побывали в ряде круизов и съездили на автобусе по странам Бенилюкса. В наступающем году планировали Таиланд. Ванде удалось в жизни кое-чего поднакопить, но она слишком верила в незыблемость советских рублей, и, когда рубли растворились в реке истории, положение Савичей пошатнулось. Теперь круизы давались ей как нелегко!

Ванда Казимировна почувствовала, что идея Ксении, рожденная в ходе их сегодняшней дискуссии, вполне плодотворна. Но теперь плоды достанутся не Савичам, а Ксении, которую раньше даже в Париж приником нельзя было выманить!

— Поймают, разоблачат! — продолжала свое Ванда Казимировна, шагая рядом с товаркой.

А Ксения, нанеся сокрушительный удар по самолюбию Ванды, успокоилась и сказала вполне добро:

— Ты не расстраивайся. Лев Христофорович у меня анализ крови взял, хочет вывести невидимое вещество, и тогда его будут в аптеках продавать.

— Чепуха! — откликнулась Ванда. — Такого вещества быть не может.

— Почему это?

— Потому, что тогда каждый террорист, любой Бен Ладен, сможет невидимость в аптеке купить, и наступит гибель всему человечеству.

— Это как?

— А так! Он в Кремль войдет, как к себе домой, дверь в кабинет президента ногой откроет.

— Ты что такое несешь? Замолчи сейчас же! — Ксения даже перепугалась, будто это она подвергла опасности жизнь президента нашей державы.

— То-то! — Ванда почувствовала, что взяла реванш. — Отказываешься от своих слов?

— Конечно, конечно!

Ксения была готова даже все покупки отдать Ванде. Ведь в ней жила неистребимая боязливость и нежелание связываться с властью. Но как отказаться от обсуждения самого события — ее невидимости? Тем более когда уже весь город об этом трезвонит.

Но трезвонил не только город.

Затрезвонил телефон в кабинете директора ЦРУ, то есть американского разведывательного управления, которое так гордится тем, что ему известно все — ну, может быть, за исключением того, что еще не успело случиться.

Незнакомая нам старуха, которую даже Удалов не знал в лицо, нырнула в глубокий овраг за Речным техникумом и вытащила из кармана мобильник.

Движения ее стали резкими, уже сугубо мужскими, но осторожными. Слова же, тем более сказанные на английском языке, еле-еле долетали до слуха Корнелия Удалова. Но он был горд: все же выследил подозрительную старуху!

7

Как обидно устроена жизнь, подумал Удалов! Раньше, в годы молодости, мы все верили в шпионов, выслеживали их и подозревали всех вокруг. Но тогда, как теперь стало понятно, шпионы жили только в нашем воображении, а военные тайны мы берегли для того, чтобы холодные враги не догадались, как мы от них отстали.

Теперь же, продолжал размышлять Удалов, я вижу настоящего американского шпиона, и он докладывает своему начальству о настоящем секрете. Что делать? Бежать в районную милицию, раз наш отдел ФСБ до конца месяца закрыт на учет? В милиции ведь сочувствия не дождешься! В лучшем случае отыщется шустрик, который постарается внедриться в американскую сеть, чтобы и ему что-то от щедрот противника перепало.

Но Удалов был не из тех, кто капитулирует.

— Эй! — крикнул он с обрыва. — Прекратите связь!
— Экскюз ми, — быстро проговорил шпион в трубку, — дзереиз интерфиренс. — Потом он посмотрел на Удалова и спокойно спросил: — Вы ко мне?

Удалов кивнул:

— Именно! Не вмешивайтесь в наши внутренние дела! Отстаньте, наконец!

— Это не ваше внутреннее дело, — почти без акцента ответил шпион. — Это проблема всего человечества, и вы, Корнелий Семенович, отлично об этом осведомлены.

— Я — Иванович.

— Простите, компьютер ошибся.

Шпион вскарабкался на верхушку обрыва и присел рядом с Удаловым на поваленное дерево.

— Войдите в мое положение, — начал он. — Я готовлюсь к зимней сессии в Академии языка и литературы восемнадцатого века, и вдруг — вот буквально час назад — мне приказывают из Вашингтона лететь сюда. В Богом забытый городишко на краю северной тайги! Зачем? Мне сообщают: там открыли невидимость. Проверь и пресеки, но, конечно, лучше бы купить. Много не обещаю — русские так мало зарабатывают, что у них каждый доллар на счету... Конечно, я не поверил про невидимость, но вертолет, зафрахтованный совершенно официально, уже ждал меня у дверей общежития. Закурить не найдется?

Шпион снял маску старухи, и под ней оказалось милое интеллигентное лицо литературоведа в очках.

— Невидимость — это моя жена, — сказал Удалов.

— Сочувствую, — вздохнул шпион. — Потому что спокойная жизнь у вас кончилась. Мы работаем оперативно, но это не значит, что ваше ФСБ не спохватится и через полчаса не увезет вашу жену в концлагерь.

— Времена не те.

— Времена всегда те. Когда речь идет о безопасности государства. Я бы на вашем месте эвакуировал жену подальше.

— У меня вся надежда на профессора Минца, — честно признал Удалов. — Это мой друг.

— Как же, как же, он у меня есть в разработке. Гений вчерашних дней, опасности для мира уже не представляет.

— Это как сказать.

— У нас свежие данные.

Удалов уже был готов сказать шпиону о том, что не сегодня-завтра Минц выделит чистое вещество невидимости и заодно вернет Ксению в вещественное состояние, но тут спохватился. Все-таки чужой человек, еще сделает Ксюше какую-нибудь гадость! Понятно: какое им там, в США, дело до переживаний простого русского человека?

— И что вам еще сообщили из Вашингтона? — спросил Удалов, чтобы переменить тему беседы.

— Там встревожены. В любой момент этот секрет может попасть в руки террористов. Тревога в Вашингтоне была бы не так велика, если бы невидимость открыли в Швейцарии или Чехии, где существуют нормы морали.

— А у нас что, морали не существует?

— У отдельных лиц она есть, но лишь по отношению к близким. За пределами семьи мораль продается и покупается.

— Ну это вы слишком! — обиделся Удалов. — Русский народ издавна известен своим бескорытием, открытостью натуры, честностью и отзывчивостью.

Шпион смотрел на Удалова так странно, что тому расхотелось продолжать, и он замолчал. А шпион заговорил:

— Ну, Удалов, даешь! Как будто из советских времен вывалился без перемен... Я помню, как в мои юные годы, на закате Советской империи, наши таможенники обычно не досматривали вашего брата, потому что знали: русские ничего дурного провезти не посмеют. Вы гордились своей невинностью, потому что с детской колыбели до гроба были перманентно напуганы. Вы отлично умели воровать внутри страны, но извне оказывались как бы во враждебном вакууме, под микроскопом. Вы ждали провокаций и старались остаться хрустально чистыми, чтобы вас снова удостоили права съездить за рубеж и привезти оттуда шмотки или проигрыватель. Когда же удерживающие инстанции приказали долго жить, к нам кинулся непуганый народ. А непуганый русский хуже гунна. Он может пройти по миру с саблей и при этом еще посмеет кричать, что он честный, благородный и готов отдать последнюю рубашку.

ФАНТАСТИКА

Не то чтобы Удалов внутренне возражал шпиону, но слушать такое от чужестранца неприятно. В своем кругу, среди друзей-соотечественников, Корнелий Иванович мог бы выступить куда категоричнее и суше.

А шпион все продолжал:

— Я могу предположить, как будут развиваться события дальше. Сначала на это нежданное открытие постарается наложить лапу мелкая доморощенная мафия. Воришки, которым захочется безнаказанно лазить по квартирам. Затем появятся акулы покрупнее, а за их спинами будут маячить организации вроде моей. И тогда произойдет крушение обыденных законов жизни. Окажется, что никакой интимности в человеческих отношениях уже нет. Разве будет не любопытно присутствовать — за умеренное вознаграждение, конечно, — при первой брачной ночи топ-модели или какой-нибудь вашей подружки?

— Можно и запереться, — неуверенно возразил Удалов. — На задвижку.

— Кто сможет, а кто и нет. Зато выследить неверную жену станет проще простого. И возникнет могучий бизнес — бизнес подглядывания.

— Зато появятся и средства обороны, — опять возразил Удалов. — Например, спреи. Ты заподозрил неладное — сразу нажимаешь на кнопку, и под слоем краски невидимость оказывается фикцией.

— Надо еще заподозрить! — усмехнулся шпион. — А то забрызгаешь весь гостиничный номер — вовек не расплатишься!

Удалов с печалью поглядел на молодого человека в очках и произнес голосом умудренного жизнью пенсионера:

— А ведь мы с вами обсуждаем пустяки, частности. Главное — приведет ли это открытие к войне? Или наоборот, подтолкнет человечество к миру?

— С одной стороны... — промолвил шпион. Помолчал и добавил: — Но с другой...

— А я думаю так, — заговорил Удалов твердо, — в общем и целом добра ждать не приходится. Ведь любое великое изобретение, которое вроде бы должно было облагодетьствовать человечество, превращалось в бедствие, по крайней мере поначалу.

— Смотри в чьих руках, — покачал головой шпион. — Ну я пошел, надо докладывать в ЦРУ, а то еще, не дай Бог, выследят меня ваши контрразведчики, и не видать мне магистерской... э, по-вашему, кандидатской диссертации.

Он раскланялся и пошел прочь.

Удалов глядел ему вслед, и было ему грустно. Все угрожает человечеству!

Тут над обрывом появились два человека в серых пальто. Один из них показал шпиону красную книжечку. Шпион принялся нервно протирать очки.

«Попался, голубчик!» — сказал про себя Удалов, поднялся и пошел в другую сторону. Ему не хотелось выступать свидетелем.

Окончание следует

**Ксения
без головы**

Кир Булычев

ФАНТАСТИКА

8

В тот момент Удалов не знал, что Лев Христофорович Минц, движимый тревожными мыслями, решился на кардинальный шаг.

Он объявил по интернету (а тем, у кого не было компьютера, — голосом через окно), что намерен провести срочное заседание Гусярской Академии наук.

Пусть читателя не смущает существование Академии наук в скромном районном центре Вологодской области. Везде есть свои академии и академики. Везде есть свои университеты. Был бы техникум, а уж название университету мы придумаем.

Но учтите, что Великий Гусяр — не самый обыкновенный райцентр. События, которые там происходят, отзываются эхом в различных уголках Галактики, а некоторые персонажи нашей эпопеи, в первую очередь Корнелий Удалов, известны даже на Альдебарановых планетах.

А уж о профессоре Минце говорить не приходится! Он до сих пор не получил Нобелевской премии только потому, что различные нобелевские комитеты никак не могут решить, в какой из наук ему эту премию присуждать.

Однако даже такие бескорыстные и талантливые люди, как Минц, имеют слабости. И Льву Христофоровичу не хватало человеческого внимания. Раньше, то есть до распада державы, Минца регулярно звали на семинары и конференции и даже приглашали в страны народной демократии, а вот теперь напрочь о нем забыли. Правда, остались иностранные коллеги, но для них адрес Минца всегда был за семью печатями, а нынче стал вовсе неизвестен. Понятно, что в таком вакууме Минц существовать не мог.

И тогда он создал свою собственную Академию наук.

На заседания собирались крайне редко, раз в квартал, для перевыборов и довыборов. А если к тому моменту созревало какое-нибудь открытие или подрастал местный гений, всё обсуждали открыто.

Президентом Академии был сам Минц Лев Христофорович. Подрастали вице-президенты и действительные члены. Один из братьев Лаувазанцев, например.

И была у Льва Христофоровича мечта: выпестовать в Великом Гусяре новый мозговой центр, который сможет вывести Землю из опасного кризиса...

Когда Корнелий Удалов прибежал к Минцу и рассказал ему о сцене в магазине, где Ксения подверглась разоблачению, и о своем споре с американским шпионом, Минц задумчиво произнес:

— В воздухе сгущается туман опасности. И на самом деле, если я не приму меры, человечество может погибнуть.

— Ты лучше скажи, — поинтересовался Удалов, — как у тебя дела с концентратом невидимости? Смог ли ты отыскать и выделить это вещество?

— Вот именно это меня и огорчает, — ответил Минц.

— Почему же?

— Если какой-то захудалый американский агент уже рассуждает о конце света, значит, опасность близка. Американцы всегда первыми успевают к концу света.

— И что же ты им противопоставишь?

— Надо вернуть средства производства народу, как учил Карл Маркс.

— Объяснись.

— Невидимость — народу! Вот каким должен быть наш лозунг.

— Ты думаешь, народу это надо?

— Народу многое надо, невидимость в том числе.

— Миллион лет прожили без этого...

— Ты забыл, что случилось с твоей женой?

И Удалову пришлось замолчать.

Минц с помощью Удалова обзвонил, оповестил других академиков (числом девятнадцать) и велел им без опоздания явиться в помещение кружка «Юный алхимик» при аптеке номер один. Руководил кружком провизор Савич, потому и ключи хранились у него.

Минц наказал Удалову проверить, в каком состоянии его жена, а потом бежать на заседание.

Окончание. Начало — в № 9, 2003.

Лев Христофорович обладал удивительной интуицией. Он догадался, что подходы к аптеке могут быть перекрыты, и не хотел рисковать здоровьем и жизнью Корнелия Ивановича.

Сам же Минц перебежками вышел к служебному входу в аптеку и затаился за какой-то кучей хлама.

Сумерки выдавали засаду, вернее, несколько засад.

Они, засадчики, не обращали внимания на прочих академиком — им нужен был Минц, потому что у него с собой должен быть секрет невидимости и даже, очевидно, сама жидкость. А ведь на международном криминальном рынке уже установилась цена: грамм концентрата невидимости — джип «широкий».

Академики, оживленно переговариваясь, заняли места в комнате. Минц не появлялся. Удалов, как и было договорено, подошел к окну и опустил штору.

Ответом ему был разочарованный вопль бандитов, сбежавшихся в Гусляр с разных сторон света. А Минц ползком кинулся к служебному входу и через минуту уже стоял на трибуне.

Его появление встретили сдержанными аплодисментами: гуслярские академики — народ серьезный и похвалами не разбираются.

— Времени у нас в обрез, — начал профессор. От его потной лысины поднималось легкое сияние. — По моим расчетам, они придут в себя и начнут штурм через две с половиной минуты.

По залу прокатилось шуршание — шуршали авторучки, мозговые извилины, блокноты и мелкая компьютерная техника.

— Как вы все знаете, — продолжил Минц, — наша соотечественница Ксения Удалова в результате сильного испуга стала невидимой. С этим диагнозом она обратилась ко мне, и я немедленно приступил к работе. Мне удалось выделить чистое вещество — агент, вызывающий невидимость в человеческом организме. Однако мало кто догадался, что невидимость — явление временное. Да и трудно представить себе иную ситуацию. Будь так, за время человеческой эволюции невидимые люди растеряли бы друг друга... Но представители бандитских, государственных и иностранных структур, которые изготовились сейчас, чтобы пойти на штурм нашего здания, не могут поверить в эфемерность невидимости... Теперь вот что. Мой концентрат будет действовать от часа до двух часов, это зависит от особенностей организма. Однако, прежде чем осаждающие убедятся в том, что их усилия тщетны, они могут наломать дров и перебить нас как кроликов. Есть лишь один выход. Передо мной девятнадцать пилюль — по числу членов нашей Академии. Каждый из вас немедленно — повторяю, немедленно! — проглатывает одну пилюлю. И становится невидимым на ближайший час. Невидимым он выйдет из этого дома...

Со звоном разлетелось стекло — кто-то с улицы кинул в него булыжником.

— ...И невидимым вернется домой. Понятно?... А ну, быстро ко мне! Быстро принимаем пилюлю! Запивать не надо! Удалов, ты — первый, чтобы пропали сомнения.

Удалов проглотил пилюлю.

Разлетелось еще одно окно. В нем появилась рожа местного авторитета.

Провизор Савич кинул пилюлю в рот и протянул еще одну своей жене Ванде... Последним был Минц. И вовремя! Потому что в разбитые окна и взломанную дверь ворвались журналисты, бандиты и разведчики.

На их глазах последний человек из тех, кто находился в зале, а именно профессор Минц, растворился в воздухе. А ворвавшиеся стали шарить по комнате, под столами и стульями и страшно ругаться, употребляя неподобающую лексику.

Тем временем невидимыми теньями, на цыпочках, избегая столкновений с противником, гуслярские академики выбрались на улицу. Им бы постоять, посудачить, тем более что в умах царило полное смятение. Ведь даже если вы настоящий академик и семи пядей во лбу, с подобной ситуацией вам еще не приходилось сталкиваться. Впереди целый час. Иди куда хочешь. Ты невидим. Придумывай любую проказу, любой розыгрыш, даже месть или преступление — все что угодно. У тебя час в запасе...

Но невидимый Минц, который стоял неподалеку от группы невидимых академиком, тихим, но настойчивым голосом сказал:

— Это было единственное спасение для вещества — ведь мы не можем отправить его в Москву, чтобы его там исследовали как положено. Я даже и не знаю, хорошо это или плохо. Ибо все исследования обычно кончаются тем, что приходят трехзвездные генералы, забирают материалы, взрывают лабораторию и начинают разработку невидимых танков... До встречи, друзья!

И тут наступило отчуждение.

У каждого внутри стали отстукивать часы — собственные часики. И каждый направился, куда его влекли ноги. Одни медленно, размышляя на ходу, другие — набирая скорость и переходя на бег.

Бежали по улицам невидимые академики.

9

Поставьте, уважаемый читатель, себя на место академиком. Как использовать дар?

Я убежден, что почти каждый из вас растерялся бы и даже побрел домой, как то сделал Корнелий Удалов. Его куда более беспокоила судьба Ксении, чем собственные способности.

Что возникает в человеке в тот момент, когда ему предложили свободу выбора? Желание облагодетельствовать мир или свести с ним счеты?

Обычно в человеке сосуществуют обе тенденции. Но следует отметить, что среди бандитов, агентов, резидентов и киллеров, которые окружили гуслярскую Академию, а теперь носились по улицам, еще надеясь поймать невидимок, благодетелей не встретились. Их хозяев влекла нажива и жажда власти...

Провизор Савич, прихрамывающий грузный старик, всегда jovialный и улыбчивый, мирно проводящий в круизах свои пенсионные годы совместно с супругой Вандой, устремил шаги к дому для престарелых, где в комнате номер 32 на первом этаже проживала Шурочка Родионова, некогда хохотушка и школьная звездочка. Жизнь у Шурочки не сложилась, она ее прокоротала в одиночестве, так и не вышла замуж, хотя люди ее поколения шептались, что ей делал предложение руки и сердца сам Семиструнов, впоследствии достигший в Москве великих высот (в чине генерал-майора он до самой смерти управлял центральным оркестром Дома железнодорожных войск). Но это все сплетни. И в этих сплетнях имя Савича не встречалось.

Савич прошел сквозь приоткрытые ворота, которые никто не охранял, миновал тополиную аллею и вошел в главный корпус.

Тут Савичу не пришлось лезть лет двадцать, но он знал, в какой комнате живет Шурочка. Благо она, здешняя старожилка, считалась ветеранкой-комсомолкой, за что ей и полагалась отдельная комната.

Комната номер тридцать два. Окно в сад. У окна Шурочка и просиживала целыми днями. Она сочиняла стихи и думала о прошлом.

Савич подозревал, что состоял частью этих воспоминаний, и сейчас, пользуясь невидимостью, хотел в этом по крайней мере убедиться.

Дверь в комнату, крашенная белой масляной краской, открылась легко и почти без скрипа, будто от дуновения сквозняка. Шурочка даже не обернулась.

Савич остановился, прижавшись спиной к скользкой поверхности голландской печки. Ему казалось, его сердце бьется так громко, что сейчас сбегутся нянечки. Но все было тихо, только где-то далеко в конце коридора загремели посудой.

Савич осмотрелся. Небольшая комнатка была обставлена скудно. Справа — комод с четырьмя выдвигающимися ящиками. Слева — деревянная кровать, рядом тумбочка. Кресло, хоть и не новое, но еще, видать, крепкое. Вот, пожалуй, и все. Если не считать небольшого стола, вроде ломберного, прислоненного к дальней стенке у окна. На нем граненый графин, в который вставлена бумажная роза.

К комоду Савич и направил свои осторожные шаги.

Он правильно рассудил, что бумаги должны быть в верхнем ящике, так как старой женщине труднее было бы доставать их снизу. Она только накрыла их полотенцами и салфетками.

Нет, ничем она их не накрыла. Видно, недавно доставала. И тот конверт, ради которого Савич и пришел сюда, лежал поверх остальных бумаг. Почти не пожелтел...

Шурочка, старушка с лицом как печеное яблочко, обернулась к нему. Савич замер. Он слышал, как грохочет сердце. Неужели она не услышит этого грохота?

Шурочка нахмурилась. Потом равнодушно возвратилась к лицезрению осеннего пейзажа.

Двумя пальцами Савич приподнял конверт. Вытащил из него листок, истертый прикосновениями. Ему не надо было разворачивать и читать его. До последнего дня на этом света Никита Савич будет знать, что там написано, до последней буквы!

Он пришел унести, украсть этот листок. Он не должен оставаться в этой богадельне, в этой нищей комнате. Ничто не должно напоминать...

— Никита, — вдруг произнесла Шурочка. И потом:

Я совсем ослепла,
Волосы как из пепла,
Душа у меня седея,
Я всех по шагам гадаю.

Она улыбнулась туманно и даже загадочно.

Савич стоял, замерев в неудобной позе, будто аист, собравшийся покинуть гнездо.

— Забирай письмо, забирай, — сказала Шурочка. — Тени прошлого собирай.

Только тут Савич сообразил, что Шурочка говорит стихами. Когда он учился в мединституте, то проходил по психиатрии, что есть такое нарушение психики. То есть больной говорит в рифму.

Неужели она и на самом деле ослепла? А он и не знал. Тогда Шурочке действительно не нужно это письмо.

Но она спросила:

И что ж ты, грешил и грешил,
а теперь нас ограбить решил?

— Я стал невидимым, — признался Савич, — поэтому и пришел. Иначе бы не решился.

Шурочка рассмеялась:

Ах, судьба у тебя такая!
Не знал, что я стала слепая.
И видна ли твоя личина,
Для меня теперь не причина.

Савичу было неприятно слышать эти странные стихи. Но письмо он взял. А потом услышал:

Погоди, прежде чем ты его разорвешь,
Может, ты его вслух прочтешь?

Савич кивнул. Он уж хотел прочесть строчки, которые помнил наизусть, но тут в полуоткрытую дверь заглянула немолодая толстая санитарка и спросила:

— Ты опять сама с собой, батьковна, лясы точишь? Поосторожнее. Так можно и рехнуться.

Савича она, конечно, не видела и, к счастью, не заметила письма, которое витало в воздухе возле комода.

Шурочка поторопила:

Читай, мой бывший дорогой.
Женился вовсе на другой.

— «Дорогая Шурочка, — начал читать Никита Савич, но осекся. — Дорогая Шурочка, — продолжил после паузы. — Мои чувства к тебе остаются неизменными, и обещания я рад бы выполнить всем сердцем...»

Господи, подумал Никита, каким же я был мерзавцем! Нет, не мерзавцем, а запутавшимся несчастным юношей, который не имел жизненного опыта и пошел на поводу...

Шурочка произнесла громко, с пафосом:

Завершается наша жизнь.
Говори, не таись!

— «Мои родители категорически высказываются за мою женитьбу на Ванде, потому что они уже дали обещание. А я не могу пойти против их воли... Но свадьба лишь только формальность. Как только она произойдет, я тут же начну с тобой встречаться снова, и мы будем неразлучны. Считаю, что я вынужден жизнью на временное отступление, и, пожалуйста, говори всем, что это произошло по твоей инициативе. Потому что брошенная девушка может оказаться позорным явлением в небольшом городке. И еще лучше, если о наших отношениях временно забудут».

Савич замолчал. А Шурочка посоветовала со смехом:

Пока ты возмущен и разозлен,
Прожуй записку, словно ты шпион!

Очень противным был ее смех.
— Я сам знаю! — сердито сказал Савич. — Но каждый имеет право на ошибку!

Твоим ошибкам оправдания нет,
Ведь я ждала тебя почти что сорок лет.

Выслушав это, Савич буркнул:

— Не стоит идти на преувеличения ради рифмы. — И сунул записку в карман. Он не думал как-то раньше, что эта дурочка могла заподозрить его в корысти.

— Иди, Никитушка, жаль мне, что я тебя не вижу даже.

— Помолчи! — прошептал Савич, потому что за спиной послышался голос санитарки:

— Так! У нас посетителей быть не должно... Ох, это вы?...

Савич обернулся и по глазам этой толстухи понял, что он уже не невидимка, а бывший директор аптеки.

— Вы что у нас делаете, Никита Николаевич? — узнала его санитарка.

Савич нелепо принялся охлопывать себя ладонями, проверяя, видим он или невидим. Но тут вполне разглядел собственную руку. Все! И стал проталкиваться к двери. А Шурочка вслед ему продекларировала:

Я вам не спутница и не подруга,
А просто девка из чужого круга.
Со мною ты по кустикам гулял,
А ихний папа кафедру марксизма возглавлял...

Савич бежал по коридору, и ему казалось, что из всех дверей этой юдоли скорби несутся слова: «Он вернулся, он пришел, он письмо унес!»

10

Совсем иной целью задался Миша Стендаль. Ничего он не намеревался красть, а наоборот — хотел дать.

Давно хотел дать, но не хватало смелости.

И если не удастся использовать такой уникальный момент, то грош ему, Стендалю, цена.

Бывает, в прошлом у человека случилась некая мелочь, будто бы и не стоящая внимания, однако врезавшаяся в память, как топор в мокрое полено — не вытащишь и трактором.

Стендаль старался не думать о Сеньке Косом и месяцами о нем не вспоминал. Но вдруг увидит его краем глаза на улице, услышит где-то его пронзительный голос — и все возвращается. В памяти.

Стендаль почти бегом пересек площадь Землепроходцев, ныне снова ставшую Базарной, и остановился перед входом в Гусляр-промстройбанк.

Редкие посетители поднимались по широкой, подвергшейся евроремонту лестнице и, миновав охранников в синих мундирах, проходили в дверь за темным стеклом.

Стендаль замер. А если его спросят, кто он и куда?.. И рассмеялся: я же невидимый!

Он смело поднялся по лестнице, в дверях столкнулся с незнакомым толстяком в блестящем плаще, какие носили разведчики

в фильмах про войну, и проскользнул внутрь. И ощутил спокойствие, потому что уверился в своей невидимости.

Чтобы пройти за длинную стойку, надо было поднять доску на краю этой стойки, рядом с девицей в роговых очках, дядя которой раньше работал в Сельхозуправлении. А вот как его, того дядю, звали и как эту девицу зовут? Странно: ведь за тридцать лет работы в городской газете Стендаль худо-бедно познакомился с половиной жителей города.

Впрочем, узнал в конце концов, вспомнил! Кажется, ее Викторией зовут. Да, Виктория Королькова!.. Эта Виктория оторвала взгляд от компьютера и поглядела на Стендаля. Вернее, сквозь него. Но что-то ее смутило. Почудилось, будто кто-то замер рядом. Кольхание воздуха, запах...

— Господин! Э?... — окликнула Виктория невидимку и растерянно улыбулась.

«Не надо было на ланч копченую колбасу есть!» — обругал себя Стендаль, когда уже за спиной Виктории миновал стойку с досочкой и оказался во внутренних помещениях банка.

Вот и дверь с табличкой: «Вице-президент Косых Семен Аркадьевич». Он самый.

Стендаль прижался спиной к стене, пропуская молодого человека с бритым затылком, который толкнул эту дверь картонной коробкой, прижатой к животу. Стендаль последовал за ним.

Они прошли мимо секретарши, не обратившей на них никакого внимания, и оказались в обширном кабинете Сеньки Косого.

Молодой человек бухнул картонный ящик на длинный полированный стол.

Сенька Косой, когда-то курчавый и поджарый, а теперь лысый и грузный, громко заявил:

— Вываливай!

Кроме него в комнате были еще трое — чем-то на него похожие, при галстуках и одеколонном запахе.

Бритый вывалил из ящика на стол кучу пачек. Пачки были зелеными. Доллары. Как в кино.

— Начнем считать! — приказал Сенья. — У нас двадцать минут. Чтобы найти недостачу. Пока не приехал инкассатор, иначе нам всем хана!

И началось. Пальцы шевелились так быстро и согласно, что, конечно же, Миша Стендаль не мог уследить за их движениями. Только громкое шуршание.

«Что же я? Чего смотрю! — подумал Миша. — Сейчас — вот еще несколько минут, и я стану видимым! Охрана меня пристрелит. Нужно все сделать немедленно! Одна минута! Пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь... Я его ненавижу!»

Пожилой, лысый Сенья был занят пересчетом денег.

«Нет! — решил Стендаль. — Этого я так ему не оставлю!»

Решительным движением он рванулся к вице-президенту, но по пути сшиб бритоголового сотрудника. Тот матюгнулся, сочтя виноватым своего соседа справа. А Стендаль не счел возможным ударить в лицо ничего не подозревавшего человека и крикнул:

— Иду на вы!

Все замерли. Так и застыли с долларами в лапках.

Стендаль ударил кулаком Сеньке по носу.

— Ты что! — заорал Сенька. — Больно же!

Он прижал к носу обе ладони, и на них показалась кровь. Далее она заструилась на подбородок, на манишку и к тому же запачкала сверкающую поверхность стола.

Никогда еще Стендаль не бил человека по лицу. Впрочем, еще никогда ему не приходилось быть невидимым. Но торжества он не испытывал, хотя и знал, что поступил правильно. Поэтому сказал:

— С дороги!

Звуку его голоса безропотно подчинились все.

Стендаль пошел прочь из кабинета, и затем ему повезло: он вновь обрел свой облик, когда уже проходил мимо Виктории.

Девица ахнула, потому что человек возник совсем рядом — внезапно, из воздуха. Спокойно вышел из-за стойки, пересек полупустой зал и скрылся за входной дверью.

Тут же к Виктории подбежал начальник охраны и завопил:

— Он тут проходил?

А Стендаль уже шагнул через площадь...

...Сорок лет назад Сенька Косой бил кулаками Верочку из второго подъезда, а два его помощника стояли рядом и хохотали. И тогда Миша Стендаль, сжимаясь от страха, подбежал к ним и сказал:

— Сенья, не надо, а?

Верочка плакала. Сенька оттолкнул ее, оттолкнул специально так, чтобы она упала на битый кирпич. Потом повернулся к Стендалю:

— Тебе больше всех нужно? — И как следует врезал ему по лицу.

Он расквасил Мише нос, а помощнички довершили дело. Стендаль не ходил в школу два дня, а маме сказал, что сам упал. Ну а Верочка? Верочка убежала, но с тех пор обходила Стендаля стороной. Через несколько лет она сказала ему: «Я так боялась, что ты снова будешь за меня заступаться! Мне тогда не жить, и тебе не жить!»

Вот с тех самых пор Стендаль лелеял месть...

Теперь он уселся на скамейку на противоположной стороне площади и с удовольствием наблюдал, как к банку подкатила «скорая». Через несколько минут вывели Сеньку с забинтованным лицом.

И Мише Стендалю вдруг стало грустно. Потому что, да, справедливость восторжествовала, но восторжествовала лишь наполовину. Ведь никто не видел, как он, Миша Стендаль, через сорок лет отомстил гаду. Никто не видел!

11

Гаврилов, мужчина в расцвете лет, выскользнул из здания гуслиарской Академии и, миновав бандитов и кордоны прессы, невидимо остановился под облетевшим ясенем, посаженным еще последним городским головой, который возжелал было превратить Великий Гуслиар в цветущий рай заморских деревьев. Теперь Гаврилов размышлял, как ему использовать этот временный дар, и мысли его были об одном — вернее, об одной: невесте Татьяне, девушке вдвое его моложе, однако серьезной, завершившей образование в Речном техникуме и желавшей, по ее словам, создать семейную ячейку. Гаврилов же, ранее претерпевший узы неудачного брака, теперь к жизни относился с опаской. Вот и не торопился с оформлением отношений, в ответ на что Татьяна не соглашалась на интимную связь.

В общем, стоя под опавшим ясенем, Гаврилов вытаскил мобильник и набрал номер Татьяны.

Та откликнулась сразу.

— Как ваше заседание? — спросила она.

— Ну... уже закончилось.

— И что решили?

— Решили?... — И тут Гаврилову пришла в голову идея. Она, эта идея, и заставила его на время замолчать.

— Ну так что? — заторопила Татьяна. — Что случилось?

— Да нет, ничего, — ответил Гаврилов, быстро соображая.

— Ты ко мне придешь?

— Ты одна?

— У меня Дарьюшка.

Ох! Дарьюшкой звалась та нежелательная подруга, которая не уставала твердить, что Татьяна заслуживает куда лучшей участи, чем сорокалетний, без перспектив и достатка, жених Гаврилов. Сама Дарьюшка уже два раза неудачно вила семейное гнездо, но вылетала из него без морального удовлетворения. И хоть она твердила, что заботится об устройстве Татьяниного счастья, однако, по сути, делала все, чтобы Татьяна осталась ее истинной подругой, то есть одинокой женщиной.

— Тогда я потом найду, — сказал Гаврилов, узнав, что у Татьяны сейчас эта самая Дарьюшка.

Как-то нехорошо, лживо он это сказал, поэтому Татьяна заподозрила неладное.

— А как Академия заседала? Что решили с женщиной без головы? (Татьяна имела в виду Ксению.)

— А, все чепуха! — как отрезал Гаврилов и повесил трубку.

Дарьюшка спросила спокойно:

— Чем-то он недоволен?

В полной руке она держала чашку с чаем. Мизинец же был отставлен далеко в сторону, для изящества.

— Нет, — промолвила Татьяна. — Он лукавит. И дело чести догадаться, почему мужчина лукавит.

Татьяна была разумной и рассудительной не по летам. А Гаврилов тем временем спешил именно к ней.

Он взбежал на второй этаж и минуты две восстанавливал дыхание. Отдышался, достал ключ (у него был ключ от квартиры возлюбленной) и осторожно, беззвучно открыл дверь. Женские голоса, доносившиеся из комнаты, смолкли. Неужели его услышали?.. Но нет, разговор возобновился.

Так же осторожно Гаврилов вошел в комнату и остановился у притолки.

Вот они, подружки! Справа на диване сидит белокурая, в аккурратно завитых локонах, пай-девочка. Это Танечка, голубоглазое чудо. Напротив, на единственном стуле, ее злая подружка — курносая, склонная к пышноте брюнетка. Это Дарьюшка.

Гаврилов застыл в дверях, стараясь никак не выдать себя. А женщины вновь заговорили.

— Меня смутил этот телефонный звонок, — сказала Татьяна. — Как бы ему не повредили.

— Ничего с твоим сокровищем не случится! — отмахнулась Дарьюшка. — Они, наверное, все пошли пиво хлестать. Ты же знаешь этих мужиков!

— Юра не такой, — тихо возразила Татьяна и мелко дунула на кончик локона. Локон закачался как елочная игрушка. — Юра никогда пиво не хлещет.

— Значит, в карты режется.

— Нет! — с намеком на раздражение ответила Татьяна. — Мой Гаврилов — счастливое исключение среди мужчин.

— Еще бы! — вздохнула Дарьюшка, и это вышло у нее так противно, что Гаврилов еле удержался, чтобы не запустить в нее вазой, которая стояла на столе. — Он свою жизнь уже прожил в разврате и беспутстве, а теперь ему, конечно, хочется чего-то свеженького, нежного. Вот как ты, моя подруга. Учти, он надругается над тобой, а потом бросит.

— Как ты только смеешь, Дарья! Что ты о нем знаешь!

— А что ты знаешь? Может, он за твоей квартирой охотится?

— У него квартира получше моей. Мы уже договорились, что будем жить у его мамы.

— И ты в это поверила?

— Я верю каждому слову, каждому вздоху моего Гаврилова. Он хрустальный человек.

— Неужели ты так полюбила этого недостойного типа?

— Не смей называть его типом!

И тут уж не выдержали нервы у Гаврилова. Он набрал горлом воздуха и крикнул, вторя Татьяне:

— Не смей называть меня типом!

— Ах! — дуэтом воскликнули женщины. И увидели: в проеме двери образовался, словно из небытия, сам Гаврилов, поскольку именно в этот момент к нему вернулось его обличье.

Шок прошел, и Татьяна гневно сказала:

— Ты подслушивал! Да?

— Нет, честное слово, я только что вошел! — ответил Гаврилов и уже сам был готов поверить в свои слова.

— Ну тогда я пошла! — вскочила Дарьюшка.

Поднялась и Татьяна.

— Я провожу тебя, — обратилась к подружке. А потом кивнула Гаврилову: — Ты подождешь? Я вернусь через пять минут и напою тебя чаем.

— Конечно...

Гаврилов присел на диван. Кажется, все хорошо? Ведь Татьяна, его невеста, все говорила добровольно?

А Татьяна вывела подружку на лестницу и зашептала горячо:

— Спасибо, Дашка! Ты отлично мне подыграла.

— Теперь он меня возненавидит!

— На полчаса. Мужчины непостоянны и забывчивы. Это мы, женщины, помним даже то, что следует забыть.

— Ну как же ты догадалась, что он заявится к тебе невидимкой? Нет, ты гений, Танька!

— Не надо быть гением. Слушай! Ксения Удалова разгуливает по Гусярю без головы — это раз. Гаврилов еще вчера мне проговорился, что ихний президент, то есть президент самозванной Академии, Минц, уже выделил невидимый концентрат, а наши городские бандиты носятся по городу на джипах и перестреливаются, чтобы заполучить это средство. Это два. Три: даже из Америки приехали шпионы. И четыре: тут звонит Гаврилов и начинает крутить хвостом по телефону. Это при его-то подозрительности, при его ревности! Значит, умной женщине ничего не стоит догадаться, что Гаврилов получит эту невидимость и намерен меня, его любимую, с помощью невидимости проверить на вшивость.

— И ты угадала!

— Не угадала, а вычислила. Это две большие разницы.

— И что?

— А то! Теперь он, страдалец, полюбит меня втрое больше. По крайней мере, сейчас он готов кефир из моих туплей лакать.

Женщины рассмеялись, и Татьяна поспешила наверх, к жениху.

12

Можно рассказать еще несколько историй из жизни местных невидимок. Некоторые истории забавны, другие скучны, но они ничего не изменили в жизни гусярцев. Тем более что невидимость вышла кратковременной — час, не более. Негаданное счастье? Поэтому и поспешные решения вышли непродуманными. В общем, оказалось, что и не нужно было становиться невидимкой: пользы немного.

Помимо случаев, о которых поведано выше, некоторые гусярские академики вели себя еще банальнее. А почему? Их подвела фантазия.

Супруги Синявские, сразу, не сговариваясь, отправились выслеживать собственную дочку, ушедшую на свидание. Выследили. И стали видимыми как раз в тот момент, когда оказались всего в двух шагах от дочки, жарко целовавшейся с неким Николаем. Представляете состояние дочки-подростка: справа возмущенный папа, а слева возмущенная мама! И вопят они так, будто она, дочка, украла у Николая что-то драгоценное или сама ему нечто драгоценное отдала. Но ведь она ничего не украла и отдавать тоже ничего не собиралась!..

Далее. Погосян-младший увидел американского шпиона и сразу предложил себя для опытов. За наличные. Шпион повел его, держа за невидимый локоть, к оперативному вертолету, и возле него капрал Скудетски стал отсчитывать Погосяну фальшивые доллары, которые изготавливаются специально для африканских операций — в местах, где дикари различают цвета, но не знают цифр... На тридцатой пачке двадцатидолларовых купюр к Погосяну вернулся видимый облик, и американские шпионы тут же с криками стали отнимать у него доллары. Но наконец-то набежали бандиты из бригады Костолома, доллары забрали себе, шпионам накостьяли, а вертолет конфисковали. Тяжба ЦРУ с Костоломом — особая история.

Тем временем Ксения Удалова тоже пришла в себя.

Известно, что женщины быстро забывают неприятности, если у них есть другие заботы. Вот Ксения и собралась на пасеку к Трофимычу, пока он лучший мед не распродал местным богачам.

Удалов ее одну ни за что бы не отпустил, но его сморил сон: уж очень он переволновался за последние часы.

Ксения не стала беспокоить мужа. Она вышла на окраину слободы, туда, где совхозный сад и кооперативные пасеки. По осени тут все пустовало. Но Трофимыч оставался на пасеке до первых морозов, потому что ценил свежий воздух...

Когда с трехлитровой банкой в сумке она вышла от Трофимыча, уже стало темнеть. И только закрылась калитка, сзади послышались мягкие шаги и сопение.

Ксения обернулась и увидела: за ней спокойно идет большой бурый медведь. Мед!

Ксения кинулась бежать. Медведь побежал за ней. Он рычал и был явно недоволен.

Ксении кинуть бы этот чертов мед, но она не догадалась. А когда медведь ее настиг — взмыла к низким лиловым облакам. То есть освоила спонтанную левитацию.

Потом она опустилась во дворе своего дома, где из окна второго этажа на нее глядел пораженный муж, а из окна первого этажа — профессор Минц.

— Ах! — воскликнул Удалов.

— Ничего особенного! — сказал Минц, глядя, как Ксения неловко опустилась на землю, стараясь не разбить банку с медом. — Лишь только в твоей жене пробудились атаквистические способности — например, обретать невидимость при встрече со смертельной опасностью, ее организм стал и дальше вспоминать, какими же еще способностями обладали его далекие предки. Если первое — невидимость, то второе — левитация.

— Это пройдет? — спросил Корнелий Иванович.

— И довольно быстро. Но мы с тобой не знаем, какие еще способности запрятаны в этой скромной оболочке.

Так сказал Минц. А Ксения покуда пребывала в трансе. Вместо того чтобы войти в дверь, она медленно взлетела ко второму этажу и решительным жестом отодвинула от открытого окна своего супруга. Потом ступила на подоконник.

И двор опустел.

Послесловие редактора

У «Химии и жизни» всегда было много друзей, людей добрых и талантливых, и это, конечно, большая удача для журнала, да что там удача — счастье. А если с другом «Химии и жизни» еще и живешь в одном доме, тем более в одном подъезде, то это, согласитесь, счастье вдвойне. Вот так повезло редактору «Химии и жизни».

Они, Кир Булычев (Игорь Можейко) и редактор, не были близкими друзьями, скорее теплыми приятелями, и по-доброму соседствовали. Дарили друг другу вышедшие книги, а еще Кир Булычев, когда дети редактора входили в прыщавый возраст, специально для них делал дарственные надписи, чем особо умилял отца детей, а не их самих, ибо в юном возрасте до конца не понимаешь, кто будет несколькими этажами выше (в прямом и переносном смысле).

Признаемся: памятью о любви Булычева к «Химии и жизни», редактор позволял себя иногда (право слово — иногда) это чувство эксплуатировать, сугубо по-соседки, скажем, столкнувшись с ним во дворе или в лифте. «Игорь, не худо бы что-то дать для «Химии и жизни». Он давал, хотя и изредка, поскольку действительно был очень занят литературой, и научной работой в своем институте. Так вышло и с этой повестью, с «Ксенией без головы».

Дело было весной, и Игорь, в ответ на традиционную просьбу редактора, сказал, сначала помолчав и закотив к хмурым небесам голубые глаза: «Ладно, есть у меня одна задумка, позвони мне через месяц, думаю — напишу...» И уже летом появилась у нас в редакции рукопись этой повести. Оказалось, его последней.

Он был совершенно современным человеком, притом всегда оставаясь, как он сам определил свою суть, семидесятником. С компьютерами не знался, постаринке привычно долбая на пишущей машинке с западающими буквами, а затем тщательно забеливая опечатки «мазилкой». В таком виде он и вручил редактору свою «Ксению». И на вопрос, есть ли файл этой повести, округлил глаза, хохотнув озорно: «Что есть файл, сударь? Ты за кого меня держишь?»

Вот такая маленькая история. История о «Ксении без головы» — грустная повесть, кстати.

А закончить этот сюжет редактор хочет словами Кира Булычева, а точнее — Игоря Можейко, поскольку тут он говорит именно от себя (из «Записок семидесятника»):

«Мне примерно лет тридцать шесть.

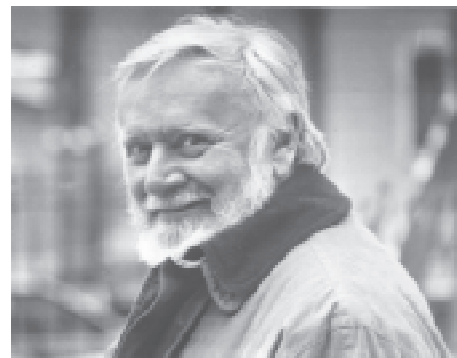
Утром я знаю о том, что встречу с зеркалом, и лицо готовится к этой встрече. Получается вполне приличный пожилой джентльмен.

Но не дай бог случайно пройти мимо зеркала и увидеть в нем мало-знакомаго толстого старика.

Проходит секунда неприятного узнавания.

Я не люблю эту морщинистую оболочку, в которую меня заткнуло время.

Если этот мир придуман для меня и вне меня не существует, ибо, как мы убедились, слишком фантастичен, чтобы существовать, значит, я просто обязан досмотреть до конца представление, данное в мою честь».

Наш Кир, наш Игорь

Он печатался во многих изданиях, десятки журналов считали для себя большой удачей опубликовать новый рассказ Кира Булычева. Но мы считали его своим автором, пусть и эксклюзивных, как сейчас говорят, прав на него у нас никогда не было. Он был все равно наш.

Он появился в знаменитом в шестидесятые — восьмидесятые годы прошедшего столетия подвале «ХиЖ», что напротив универсама «Москва», и в подвале сразу становилось светлее. И в прямом светотехническом смысле тоже. Потому что он был велик, рыжебород и отчаянно синеглаз. И еще светился добротой, доброжелательностью, юмором, талантом, удивительной способностью быть ровней всякому хорошему человеку, с кем сводила его жизнь, — будь то академик, машинистка, главный или что ни на есть младший редактор.

Кто не видел Булычева в те годы, а запомнил седовласым и мудрым, может представить его, поглядев мультфильм о космических странствиях счастливо придуманной им девочки Алисы, ну там, где птица Говорун. Отец девочки прямо срисован с живого Кира Булычева, или, в миру, Игоря Можейко. Такой же большой, такой же рыжий, такой же синеглазый. Только настоящий, не мультяшный, он был во сто крат остроумней и обаятельней. Да что там во сто крат — не встречался нам больше человек такого остроумия и обаяния. Ни тогда, ни сегодня.

Он приходил в подвал и приносил с собой легкость и шутку. «Я пришел к тебе с приветом рассказать, что Солнце село, а Луна и все планеты взяты по тому же делу». Это его строчки. А сколько подобного осталось незаписанным, забытым

Собранные вместе его рассказы и вести, которые впервые увидели свет в «ХиЖ», составят увесистый том. Это и трагически мудрое «Похищение чародея», и сверкающие остроумием байки из жизни российского города «Великий Гусляр». Нет сомнений — он был наш автор. И был он нашим еще потому, что без колебаний принимал любые приглашения поехать с редакцией на устные выпуски «ХиЖ» хоть к черту на рога. И ехал с нами, и грел кипятильником воду для чая в гостиничном номере, и был первым в командировочных застольях с их немудреной выпивкой и закуской, и собирал сотни людей в Домах ученых и клубах больших городов и райцентров, вроде его Гусляра. А мы порой обольщались, что это пришли послушать нас.

Когда прощались с Игорем, кто-то из выступавших у гроба заметил: он был фантастом потому, что не принимал действительности и уходил от нее в прошлое или будущее. Да, ему были отвратительны и советское лицемерие, и все пакости нынешних дней. Но от действительности он не бежал, а страстно, радостно и бескорыстно жил в ней, поражая друзей своей сумасшедшей скорописью. Никто не видел его за машинкой, а ведь из видавшей виды «Эрики» вышли тысячи страниц озорной фантастики Кира Булычева и научных трудов доктора исторических наук Игоря Всеволодовича Можейко.

Спасибо ему за это. И вечная память.